

Возникновение медиаобраза военного священника в период специальной военной операции

Марина Васильевна Гончаренко
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, Россия,
marina_gorod@bk.ru

Аннотация. В современной Российской армии появляются предложения о воссоздании должностей штатных военных священников. Данная тенденция получила особое развитие на втором году проведения специальной военной операции и во многом связана с пристальным вниманием как светских, так и православных массмедиа к данному виду служения в Русской православной церкви. В статье анализируются публикации, посвященные деятельности военного духовенства в Русской императорской армии, проблемам отбора и подготовки кандидатов к данной работе в наши дни, методам и формам их практической деятельности, что формирует сегодня медийный образ военного священника в зоне СВО.

Ключевые слова: военное духовенство, медиаобраз, медийный дискурс.

Original article

Emergence of the media image of a military priest during the Special Military Operation

Marina V. Goncharenko
Saint Petersburg State University of Economics,
Saint Petersburg, Russia, marina_gorod@bk.ru

Abstract. In the modern Russian Army there are suggestions to re-create the full-time positions of military priests. This trend developed in particular during the second year of the Special Military Operation, largely due to the close attention of both secular and Orthodox mass media towards this type of service in the Russian Orthodox Church. The article analyzes publications devoted to activities of the military clergy in the Russian Imperial Army, to the problems of selection and training candidates for this work nowadays, to the methods and forms of their practical activity, which forms today the media image of a military priest in the area of the Special Military Operation.

Keywords: military clergy, media image, media discourse

Существуют различные подходы к пониманию термина «медийный образ» в современном научном дискурсе. Методы исследования медиаобраза сегодня не до конца сформированы из-за недостаточного количества работ, несмотря на интерес, который проявили к данной проблеме, как исследователи теории журналистики, так и социологи и лингвисты.

Впервые термин «медиаобраз» использовала Е.Н. Богдан в работе, посвященной медиаобразу России [1: 35]. Тем не менее, терминологически оно не осознано, как не осознан в теоретическом плане и круг связанных с ним проблем.

Д.Э. Горбаль в статье «Современные подходы к феномену медиаобраза» приводит несколько определений данного термина. Во-первых, это «совокупность эмоциональных и рациональных преставлений, основанных на информации, получаемой из СМИ». Во-вторых, медиаобраз можно трактовать как «структурный визуально-эмоциональный компонент виртуальной реальности, представляющий собой медийную модель объективного бытия, запечатленную в информационных носителях и общественном сознании». Т.Н. Галинская утверждает, что «медиаобраз» можно рассматривать как комплексное понятие в широком и узком смыслах слова. В узком значении «медиаобраз» – это фрагменты реальности, описанные в текстах только профессиональных журналистов, отражающих их мировоззрение, ценностные ориентации, политические предпочтения, а также психологические качества; в широком же смысле «медиаобраз» – это образ реальности, конструируемый во всех текстах, созданных в медиaprостранстве профессиональными журналистами, блогерами, интернет-пользователями» [5].

Обратим внимание, что та же Е.Н. Богдан сразу указала на существенное противоречие, поскольку в журналистской практике для обозначения образа, создаваемого СМИ, давно используется понятие «медиаобраз». Часть исследователей вообще склонна считать такие понятие? как «медиаобраз», «медиагерой», «медиаперсонаж» практически синонимичными. В данной работе мы будем исследовать понятие медиаобраз как «особый образ реальности, предъявляемый массовой аудитории медиаиндустрией» [1].

Говоря о медиаобразе военного духовенства, заметим, что его формированию препятствует не только историческое забвение его роли, которое закрепилось в советский период и во многом сохраняется до сих пор. Нельзя не упомянуть и стереотипах, присущих восприятию медиаобраза РПЦ в целом в новейшей истории РФ. Обратимся к работе А.Ю. Гарбузняк и О.Б. Солодовниковой, где медийный образ рассматривается как разновидность фрейма, считая, что процесс его формирования аналогичен. Поскольку ключевые слова – это форма присутствия фрейма в тексте, то и анализ образа РПЦ начинался с выделения в текстах выборки ключевых слов, или «тегов». Авторы исследовали пять общероссийских газет, занимающих различные позиции в медиapolитическом поле («Новая газета», «Независимая газета», «Известия», «Российская газета», «Коммерсантъ»), и крупнейший еженедельник страны «Огонек». «Анализ выявленных тегов (около 60 ед. различной степени популярности) показал, что в общественно-политических печатных СМИ РПЦ чаще всего рассматривается в рамках одной из трех моделей: «политический субъект», «субъект экономических отношений» и «объект культурного наследия». Ни одна из этих моделей не соответствует идеальному, желаемому образу церкви, который периодически возникает в медийной дискуссии. Наличие целого ряда общих тегов в материалах, освященных политической и церковной проблематике, говорит об устойчивой связи «РПЦ – государственная власть» в сознании авторов» [3]. Эта устойчивая тенденция медиаиндустрии была оценена исследователями как опасная – как для самой церкви, так и для общества, которое в большой степени именно от церкви получает свои морально-нравственные ориентиры.

Опасность подобных стереотипов трезво осознается и самой церковью. Например, достаточно сослаться на рекомендации, которые были даны священникам РПЦ, ведущим свои пастырские влоги: «В настоящее время в русскоязычном сегменте блогосферы широко представлен антиклерикальный дискурс. Критика подлинных и мнимых проблем Церкви стала одним из легких способов завоевать популярность аудитории, что становится трендом и на видеохостингах. В результате священники, противодействующие этим тенденциям в своих видеоблогах, оказываются зачастую в агрессивной среде, что требует от них развития добродетелей любви и терпения» [11].

Анализ причин, по которым произошла смена парадигмы в отношениях церкви и общества, особенно его интеллектуальной элиты, выходит за рамки данной работы. Можно лишь констатировать, что образ церкви, которая с 1917 года подвергалась государственным гонениям, боролась за выживание и существовала исключительно в церковной ограде, вызывал сочувствие у продвинутой части интеллигенции, которая сама страдала от репрессий и табу советской идеологии в духовной и интеллектуальной сферах. С развитием в России капиталистических отношений новый креативный класс активно воспринял либеральную повестку дня с ее превалированием прав личности, личного благополучия и идей глобализации над традиционными духовными ценностями. Медийные персоны, проповедующие эти нарративы, превратились в первые десятилетия XXI века в лидеров общественного мнения.

В новой политической реальности Русская православная церковь заново осмысляла свой разносторонний дореволюционный опыт социального служения. Это коснулось и института военного духовенства, который был учрежден еще указом Петра Первого. В 2013 году Священный Синод принял «Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации», в котором было сформулировано отношение церкви к войне. «С точки зрения христианского вероучения война является физическим проявлением скрытого духовного недуга человечества – братоубийственной ненависти (Быт. 4:3-12). Признавая войну злом, Церковь благословляет своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идет о защите ближних и своего Отечества» [11].

В этот период активизируются научные изыскания, как церковных богословов, так и светских историков, посвященные институту военного духовенства в Русской императорской армии и на флоте. Например, в работе «Религиозные ценности в рамках деятельности военного священника среди военнослужащих» богослов А. Ю. Фадеев, опираясь на труды философа И. А. Ильина, актуализирует такие понятия как отношение к войне, присяге, патриотизму [15]. В историческом исследовании «Быт и служба российского военного духовенства конца XIX – начала XX века» петербургских историков С.Н. Емельянова и В.В. Михайлова воссоздана панорама участия военных священников в трех последних крупнейших войнах империи – русско-турецкой, русско-японской и Первой мировой. Авторы, анализируя итоги реформирования армии, перестроенной на новый принцип комплектования в 70-е годы XIX века, отмечают, что реформам подверглось и военно-духовное ведомство. Что касается роли последнего, достаточно упомянуть, что по состоянию на 1880 год в ведении главного священника

Русской армии находились 400 священно- и церковнослужителей. В 1910 г. в военном ведомстве уже находились 651 церковь и 975 человек военного духовенства [6].

Подобные публикации были призваны вернуть в научный и медийный дискурс образы священников-патриотов, которые были преданы забвению в советский период. Учитывая жестокий и кровопролитный характер всех трех войн, нередко военные священники оставались со своей паствой и во время боев, напутствуя и поддерживая солдат, проявляя стойкость и мужество. Русское общество в ходе русско-японской войны было восхищено героической службой 15 военных священников, которые находились в осажденном Порт-Артуре. В ходе Первой мировой одиннадцать священнослужителей получили орден Св. Георгия, четверо из них – посмертно. Большинство же батюшек, помимо исполнения религиозных обрядов, неотлучно дежурили во фронтовых госпиталях в роли простых медбратьев.

И как уже не раз случалось в русской истории поводом возрождения исторической традиции послужили военные конфликты – агрессия Украины против самопровозглашенных республик Донбасса в 2014 году и начало военной операции на территории Сирийской Арабской Республики в 2015 году. Русская православная церковь не могла остаться в стороне от активного участия, так как помощь самопровозглашенным республикам проходила в рамках идеологемы защиты «Русского мира», а в Сирии ограниченный военный контингент защищал от физического уничтожения христианское население и древнейшие христианские святыни. В этот период появились первые публикации, посвященные церковному волонтерству, – работе православных мирян и клириков, монастырей, церковных сестричеств, церковных больниц и фондов по приему и размещению десятков тысяч беженцев. А главное в ходе этих военных конфликтов российскому медиаполю был впервые предъявлен образ военного священника, который разделяет с бойцами все тяготы ратной службы.

С началом специальной военной операции 24 февраля 2022 года российская медийная повестка дня претерпела кардинальную трансформацию. В условиях новой реальности обществом заново переосмысляются основополагающие духовные ценности – патриотизм, национальная идентичность, верность долгу, предательство, добровольчество, героизм. Можно сказать, что многие редакции СМИ, а также авторы «новых медиа», столкнулись с необходимостью наполнить новым содержанием понятия «медиаличность», «медийный персонаж», «медийная персона» и «медийный герой», поскольку обойма привычных для СМИ «селебрити» перестала выполнять эту функцию по разным причинам. В подтверждение можно привести работу А.В. Таскаевой и С.А. Питиной «Трансформация образа героя в медийном дискурсе», которая была опубликована за год до начала СВО. Вывод авторов отражал ситуацию, которая сложилась в медиаполе на тот момент. Говоря о медийном образе героя, как об относительно новом явлении, обусловленном влиянием медийного дискурса на формирование и восприятие известных личностей, исследовательницы подчеркивают, что медиагерой «все больше воссоздается искусственно в качестве продукта, потребляемого массовой

культурой. СМИ создают мифы, которые направлены на удовлетворение потребностей массовой культуры». Эрозии подверглась сама суть понятия героизации, которая больше не обусловлена подвигом. «Героические образы создает сетевая аудитория, а герой приобретает свой социальный статус только при соблюдении условий медийности» [14].

За полтора года проведения СВО фокус внимания медиасреды неоднократно смещался. Медиагероями успели побывать политики и чиновники, первыми поехавшие в зону боевых действий, военные, руководящие боевыми действиями, военкоры, рассказывавшие об рядовых участниках военной операции, «вагнеровцы». Священнослужители Русской православной церкви с самого начала СВО оказывали поддержку ее участникам, хотя в первый год спецоперации их усилия по налаживанию мирной жизни на новых территориях и деятельность непосредственно на передовой были неотличимы в общем потоке добровольческой помощи российского общества в целом. Поэтому подавляющее большинство материалов носило характер ежедневных информационных сообщений о том, какую конкретно помощь сотни церковных приходов доставляют бойцам и мирному населению новых территорий, Публикации размещались в основном на страницах православных СМИ и в православном интернет-сегменте. Но постепенно и в светской медиасреде возникла потребность более пристально изучить образ служителя церкви в зоне СВО, поскольку со временем стало ясно, что их присутствие там не является эпизодическим, а главное, способно донести до читателей пласт той самой «окопной правды», в которой заинтересовано общество.

Стоит отметить, что подобные публикации появляются чаще всего не в мейнстримовских СМИ, а на страницах региональной прессы, которая заинтересована в освещении жизни и быта мобилизованных и добровольцев со своей территории. Поэтому героями публикаций являются, как правило, рядовые приходские священники из российских регионов. Журналистский интерес, проявленный «снизу», во многом обусловлен именно тем обстоятельством, что большинство героев текстов добровольно и бескорыстно возложили на себя обязанность посещать зону военного конфликта. Батюшки не ездят туда под прицелами телекамер, это не влияет на их карьерный рост, тем более они далеки от устремлений той части медиаперсон, которая заинтересована в получении некой «политической индульгенции» за свои действия или высказывания. Важно отметить, что никакой разнарядки или принуждения «сверху» из Московской патриархии не существует. Каждая епархия или приход самостоятельно решают вопрос доставки гуманитарных грузов, поездки священников в зону боевых действий проходят за их личный счет, а также за счет пожертвований прихожан. Не существует пока и государственных законодательных актов, которые определяли бы официальный статус, устанавливали какие-либо социальные гарантии, компенсации в случае гибели или ранения священникам, которые осуществляют свое служение непосредственно на передовой.

Возможно, поэтому жанровая палитра публикаций крайне ограничена – при их исследовании мы не встретили ни портретной зарисовки, ни портретного очерка или портретного интервью. То есть в фокус внимания ни разу не попала

собственно персона самого военного священника в попытке придать образу какие-либо черты героизации. Главным жанром публикаций является жанр информационного интервью. Он предполагает рассказ свидетеля или участника событий, язык которых безыскусен, а самой сильной стороной являются ощущения героя интервью, его размышления и житейская правда деталей.

Поскольку в данной работе медиаобраз рассматривается как особый образ реальности, предъявляемый массовой аудитории медиаиндустрией в изученных интервью, на наш взгляд, можно выделить несколько основных тем, которые создают эту особую реальность. Это прежде всего касается: 1) условий, в которых происходит деятельность военного духовенства, 2) описание конкретной пользы от доставки гуманитарных грузов, и самое важное – 3) размышления о целях и смыслах служения священника в зоне специальной военной операции.

1. Например, публикация РИА «Новости» так представляет условия, в которых приходится служить герою материала: "Во время командировок живу прямо в расположении с ними. Когда солдаты видят, что возрастной священник тоже терпит все лишения, – мотивируются", – говорит отец Святослав. У него каска, бронежилет, тактическая аптечка, форма и обувь. И тревная сумка, где все необходимое для богослужения. Если позволяет обстановка, надевает подрясник. "Но на "передке" не до этого. Обычно поверх бронежилета – крест. У нас все как у военных, кроме оружия, которое в руки не берем ни при каких обстоятельствах", – подчеркивает протоиерей» [10].

В интервью «Крымской газете» священник Дмитрий Кротков рассказал, что возит гуманитарную помощь на Донбасс и в Херсонскую область уже десять лет. Ему пришлось вместе с МЧС эвакуировать людей из зоны затопления после подрыва противником Каховской ГЭС. «Снимали просто с крыш. В Голый Пристань на этой лодке возили гуманитарную помощь людям. Ведь очень многие отказывались от эвакуации, оставались в своих домах. Несколько пятиэтажек были просто «отрезаны» водой». Несмотря на обстрелы в зону спецоперации священник ездит вместе с двумя своими сыновьями: «У нас есть блиндажные подземные храмы в разных подразделениях. Где-то алтарные части, где-то молитвенные уголки, оборудованы комнаты в блиндажах и других укрытиях» [7].

2. Поездкам в зону СВО предшествует основательная подготовка. «Возим печи, окопные свечи, медикаменты, собираем полноценные тактические аптечки – одна стоит порядка 20 тысяч рублей. В ней все как положено: гемостатические бинты, обезболивающие препараты, турникеты. Священнослужители собирают заявки от военных госпиталей в прифронтовой зоне. Подготавливают необходимое и отвозят туда: инвалидные коляски, ходунки, костыли, перевязочные материалы. ...мы поставили Чистопольскую епархию на прифронтовые рельсы. Мы стали изготавливать печи-буржуйки, начали плести маскировочные сети при храмах, шить термобелье, – рассказал протоиерей Андрей Зиньков. С тем же знанием дела рассказывает о своих поездках Гавриил Рожнов, игумен Раифского Богородицкого мужского монастыря. – Сначала это были общие гуманитарные грузы. Потом люди стали узнавать, что мы периодически ездим в зону СВО,

начали приносить индивидуальные посылки для бойцов. И половину груза стали занимать адресные посылки бойцам от родственников из Татарстана. Ездим к нашим мобилизованным. В свою последнюю поездку я был в именном батальоне «Алга» [12].

3. Наиболее эмоциональная часть каждого интервью касается самоощущения человека на войне. И здесь многочисленные свидетельства духовенства создают неприукрашенный образ реальности, который потрясает драматизмом. «Когда попадаешь на передовую, конечно, совершенно другое ощущение этого конфликта. Это не по телевизору смотреть видео и не новостные сводки читать. Тут видишь все сам. Ужас смерти и катастрофы переживает каждый человек, кто там находится. Мы были в окопах, исповедовали, причащали. У многих бойцов происходит переосмысление жизни, экзистенциальный кризис, если хотите, когда человек начинает искать вечные основы бытия. Многие первый раз задумываются о смерти, о вечной жизни, о душе. Многие сознательно обращаются к Богу, первый раз исповедуются, – рассказывает отец Гавриил» [13].

«Те, кто исповедуются там, на фронте, как правило, делают это очень искренно. Они понимают, что могут погибнуть в любой момент, их раскаяние самое настоящее. Здесь за всех ребят молюсь. Если бы мог, я бы тоже поехал туда солдатом, но по канонам у меня свое служение, и как могу, так его и несу», – говорит иерей Ярослав Филиппов. – У человека могут быть и еда, и медикаменты, и оснащение, но, если он пал духом, ничего хорошего не выйдет. Ситуации случаются тяжелые – видишь, как товарищи погибают, как тела их лежат на поле боя, и ты не можешь их забрать... Единственное, что в такие моменты спасает, – это вера в Бога и духовная помощь от священников» [13].

Однако процесс переосмысления себя, своей жизни и предназначения происходит не только с бойцами в окопах. Сами священники тоже задумываются о значении веры и своего предназначения на передовой и говорят об этой с редкой искренностью. «Как бы ты ни был подготовлен психологически, вернуться из поездки в Донбасс таким же, каким ты уехал, невозможно, – говорит отец Гавриил» [13]. Наиболее развернуто об этом размышляет протоиерей Дмитрий Василенков – главный военный священник духовенства Вооруженных сил России в зоне СВО. Причем делает это не в силу должности, а как батюшка, за плечами которого 60 командировок в горячие точки: в Сирию и Грузию, на Донбасс и Северный Кавказ. Он написал книгу «На войне», помогающую выжить и остаться человеком в боевых условиях, был награжден двумя орденами Мужества и орденом Дружбы. Отец Дмитрий в интервью отвечает, что на передовой «у любого нормального человека возникают вопросы: Как мне остаться живым? Как реализовать себя на поле боя и не погубить свою душу? Легко ответить «постись, молись и будь счастлив», но человеку нужны смыслы. Поэтому мы, священники, и должны их доносить. Священник должен дать такие советы воину, чтобы тот мог в любой сложной ситуации остаться человеком» [4].

Эту мысль – священник должен помочь бойцу остаться человеком, не допустить озверения его души, высказывают многие интервьюируемые, подчеркивая, что они, как пастыри, тоже столкнулись с необходимостью заново сформулировать свою религиозную миссию. «Военный священник – это прежде всего духовник для солдат, офицеров и членов их семей. То есть, это не миссионер, чтобы обращать иноверных военнослужащих в православие, и тем более не пропагандист, хотя и должен своим примером подавать пример патриотизма», – утверждает ректор Донской духовной семинарии протоиерей Тимофей Фетисов [2].

Не тоннами «гуманитарки», привезенной во фронтовую зону, измеряется работа священника, ибо «многие возят». И даже не количеством розданных крестиков и молитвословов. Тот же Димитрий Василенков признается: «случается, что приезжает священник и говорит, что отработал в войсках, целый полк за три дня обошел, причастил и поисповедовал. Считает, что сделал все и уехал, а там, например, мат в разговорах как стоял, так и стоит. Как человек вел жизнь нехристианскую, так и продолжает. У твоей работы должны быть плоды. Ты поговори с бойцом, объясни. Причастие должно стать уже следствием твоей работы. Понятно, что бывают такие случаи, что только и успеваешь причастить, но надо найти хотя бы две минуты чтобы достучаться до их сердец. Вот тогда будет результат, и причастие будет во спасение души и тела человека». И замечает, что в деятельности военного духовенства важно «не забывать опыт 1917 года. Тогда все причащались без вопросов, но потом все было грустно. Не нужно повторять эти ошибки» [4].

Тенденция к возникновению медиаобраза военного священника возникла в медиасреде несколько лет назад в связи с конфликтом на Донбассе и военной операцией в Сирийской Арабской Республике. В это время активизируются научные изыскания, как церковных богословов, так и светских историков, посвященные институту военного духовенства в Русской императорской армии и на флоте, опыт которого насчитывает два века, и который был подвергнут полному забвению в советский период.

В начале СВО на Украине подавляющее большинство материалов носило характер ежедневных информационных сообщений о помощи приходов РПЦ участникам спецоперации и публиковалось в основном на страницах православных СМИ. Однако в светской медиасреде возникла потребность более пристально изучить образ служителя церкви в зоне СВО. Журналистский интерес, проявленный «снизу» редакциями региональных изданий, во многом обусловлен именно тем обстоятельством, что большинство героев текстов добровольно и бескорыстно возложили на себя обязанность посещать зону военного конфликта. Главным жанром публикаций является жанр информационного интервью. Он предполагает рассказ свидетеля или участника событий, язык которых безыскусен, а самой сильной стороной являются ощущения героя интервью, его размышления и житейская правда деталей. В изученных интервью, на наш взгляд, можно выделить несколько основных тем, которые создают эту особую реальность. Это прежде всего касается: 1) условий, в которых происходит деятельность военного духовенства, 2) описание конкретной

пользы от доставки гуманитарных грузов, и самое важное – 3) размышления о целях и смыслах служения священника в зоне специальной военной операции. Сами герои интервью лишены каких-либо черт медийной героизации, но являются теми свидетелями и участниками боевых действий, которые способны донести до читателей пласт той самой «окопной правды», в которой заинтересовано общество.

Список источников

1. *Богдан Е.Н.* Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики. – М., 2007.
2. Военные священники». Ректор Донской духовной семинарии протоиерей Тимофей Фетисов рассказал о подготовке военных священников. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6069696.html>
3. Главная цель военного священника – привести воина ко Христу». – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6040571.html>)
4. *Галинская Т.Н.* Понятие медиаобраза и проблемы его реконструкции в современной лингвистике. – М., 2013. – С.91.
5. *Гарбузняк А.Ю., Солодовникова О.Б.* Медийные двойники: формирование образа РПЦ российскими СМИ // Медиаскоп. 2017. – Вып. 3. – URL: <http://www.mediascope.ru/2363>
6. *Емельянов С.Н., Михайлов В.В.* Быт и служба российского военного духовенства конца XIX – начала XX века // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. – № 4.- С. 16-27.
7. Как крымский священник помогает жителям освобожденных территорий и военным. – URL: Электронный ресурс: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6040571.html>
8. *Левада Ю.А.* Комплексы общественного мнения. Информационный бюллетень ВЦИОМ. – М., 1996.
9. *Марущак А.В.* Политико-социальный образ России в американском медиапространстве. – М., 2012. – С.95.
10. "Нам остается только одно". Что делают священники на фронте. – URL: <https://ria.ru/20230117/svyaschenniki-1845212826.html>
11. Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации. Версия для печати. – URL:<http://www.patriarchia.ru/db/text/3481010.html>)
12. Синодальный отдел по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ. – URL: <https://sinfo-mp.ru/videoblogi-svyashchennikov-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-rekomendatsii-i-sovetyi.html>
13. «Так искренне исповедуются только перед лицом смерти»: священники о бойцах в зоне СВО. – URL: <https://pravoslavie.ru/156111.html>
14. *Таскаева А.В., Путина С.А.* Трансформация образа героя в медийном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14 (7). – С. 2215-2220.
15. *Фадеев А.Ю.* Религиозные ценности в рамках деятельности военного священника среди военнослужащих. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznye-tsennosti-v-ramkah-deyatelnosti-voennogo-svyaschennika-sredi-voennosluzhaschih/viewer>)

Информация об авторе
М.В. Гончаренко – ст. преподаватель
Information about the author
M.G. Goncharenko – Sen. Lecturer

Статья поступила в редакцию 16.11.2023; одобрена после рецензирования 25.11.2023, принята к печати 15.12.2023.